

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

В.И. ТХОРИК, А.Г. МАНУЭЛЬЯН
(Краснодар)

ЗНАКОВАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

Предпринимается попытка сформулировать (на примере творчества Р. Киплинга) отличительные характеристики знаковой языковой личности как идеального носителя культурно-речевой компетенции, «классика», «мэтра речи», «арбитра и нормализатора языка», которая своим творчеством способствует поступательному развитию языка на определенном историческом этапе в отдельно взятой стране и мировой лингвокультуре в целом.

Ключевые слова: языковая личность, элитарный, национальная система ценностей, политическая идентичность, речеведенческий портрет.

Языки – это поистине лучшее зеркало человеческого духа

Г.В. Лейбниц

Считается, что одним из основных направлений современной антропоцентрической лингвистики является исследование языковой личности. Соотношение понятий «образ автора» и «художественный образ», будучи одним из главных в научном творчестве В.В. Виноградова, подвели исследователя к вопросу о соотношении в произведении языковой личности, художественного образа и образа автора. Ученый сделал первые описания конкретных языковых личностей [4, с. 120–146]. В.В. Виноградов отмечал, что «памятник – не только одно из произведений коллективного языкового творчества, но и отражение индивидуального отбора и творческого преображения языковых средств своего времени в целях эстетически действительного выражения замкнутого круга представлений и эмоций. И лингвист не может освободить себя от решения вопроса о способах использования преобразующей лич-

ностью того языкового сокровища, которым она может располагать» [4, с. 91].

Г.И. Богин считает, что понятие «языковая личность» образовано проекцией в область языкознания соответствующего междисциплинарного термина, в значении которого преломляются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека, составляющих его качественную определенность [2, с. 3].

По авторитетному мнению Ю.Н. Караулова, языковой личностью является любой носитель того или иного языка, «охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности и для достижения определенных целей в этом мире» [10, с. 211–216]. Вместе с тем нам представляется существенным уточнение данной дефиниции, предложенное Н.Ю. Буряк, дополняющей процитированное определение словами о том, что упомянутые речевые произведения (тексты) различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью. В этом определении соединены способности человека с особенностями порождаемых им текстов [3, с. 81–84].

В настоящее время, по мнению Л.Р. Ермаковой и А.П. Седых [8, с. 82–83], существуют различные подходы к изучению языковой личности. Наиболее значимыми, по мнению авторов, являются следующие.

Русская языковая личность. Ее определение, данное Ю.Н. Карауловым, приведено нами выше. В структуре русской языковой личности автор выделяет три базовых уровня: вербально-семантический, когнитивный и прагматический.

Полилектная и идиолектная личности. Выдвигая понятие лингвистической персонологии, В.П. Нерознак выделяет стандартную и нестандартную языковые личности и предлагает объединить верхи и низы языковой культуры в рамках идиолектной личности [15, с. 113–114].

Элитарная языковая личность. О.Б. Сиротинина соотносит понятие элитарной языковой личности с эталоном речевого поведения и коммуникации, который предполагает, в частности, соответствие этике общения, соблюдение современных языковых и коммуникативных норм: «Носители элитарного типа – люди, владеющие всеми нормами литературного языка, выполняющие этические и коммуникационные нормы. Это означает соблюдение не только кодифицированных норм, но и функционально-стилевой дифференциации литературного языка, норм, связанных с использованием устной или письменной речи» [19, с. 82–83].

Эмоциональная языковая личность. В.И. Шаховский трактует категорию «эмоциональность» как неотъемлемую часть личности и подчеркивает необходимость междисциплинарного подхода в изучении языковой личности. По мнению автора, эмоции есть «специфическая форма человеческого отношения к миру и к себе в этом мире, а также его языковое отражение в лексиконе и речевой деятельности человека» [22, с. 29].

Языковая личность западной и восточной культур. Т.Н. Снитко изучает языковую личность с точки зрения предельных понятий западной и восточной цивилизаций [20].

Словарная языковая личность. В.И. Карасик исследует языковую личность как носителя аксиологических параметров определенной этнокультурной общности в рамках бинарных оппозиций институционального дискурса [9].

Французская языковая личность. А.П. Седых рассматривает национальную языковую личность как интегральную категорию понятия «франкофония» и определяет ее как доминирующий тип личности франкофона. Речь идет о типологической модели идеального (по М. Веберу) носителя этнокультурных характеристик в динамике реализации национальных параметров коммуникации [17].

Американская языковая личность. Т.Ю. Ма реконструирует американскую языковую личность в культурно-историческом пространстве США XX в. с целью выявления ее прототипа в картине мира носителя языка как отражения существующей на уровне обыденного сознания системы социально значимых ценностей, разделяемых большинством представителей нации и обуславливающих в соответствии с потребностями общества функционирование моделей

индивидуального коммуникативного поведения [14].

Соглашаясь с безусловной важностью всех вышеупомянутых характеристик языковой личности, равно как и с утверждением Ю.Н. Караулова о том, что «языковой личностью является любой носитель того или иного языка», мы все же считаем достойным особую, более пристального рассмотрения языковых личностей, являющихся, на наш взгляд, **знаковыми** в той или иной лингвокультуре. Мы считаем, что понятие *знаковости* не подменяет понятие элитарности, а в известной мере конкретизирует его, оттеняет особую роль выдающихся (знаковых) мастеров слова в развитии языка в своих странах и мировой культуре.

Вопрос о влиянии общества и *выдающихся его представителей* на язык поднимался неоднократно. Носителей образцовой речи в различных трудах называли «мэтрами речи», «демиургами языка», «экологами языка», «арбитрами языка» и т. п. При этом *язык писателей* специалисты-нормализаторы выделяли как единственный авторитетный источник правильности речи [13].

В.И. Тхорик считает, что «языковая культура личности формируется при взаимодействии феноменов “культура языка” и “культура речи”. В ее основе лежат знания норм письменной и устной речи, смысловых и выразительных возможностей системы, изучение образцовых художественных, публицистических и некоторых других риторических текстов, принадлежащих *классикам* (выделено нами. – В.Т., А.М.)» [21, с. 17].

Таким образом мы подходим к пониманию *знаковой языковой личности* как «классика», «мэтра речи», «арбитра и нормализатора языка», которая своим творчеством способствует поступательному развитию языка на определенном историческом этапе в отдельно взятой стране и мировой лингвокультуре в целом.

Исследователи, например Т.Ю. Ма, отмечают, что личность языковая всегда *национальна*, что неизбежно отражается в формах культурного контекста эпохи, а следовательно, может быть изучена только с этих позиций. Эталон языковой личности (в нашем понимании *знаковая языковая личность*) «формируется рядом наиболее типичных для большинства представителей нации вербальных и невербальных характеристик, которые проявляются в речевой деятельности индивида как факт предпочтения существующей в концептуаль-

ном пространстве культуры *национальной системы ценностей* (выделено нами. – В.Т., А.М.), <...> в которых сохраняются в виде понятий высокой степени абстракции нравственные ценности духовной культуры, специфичные для каждой нации» [14, с. 17].

Нам представляется, что для изучения, например, британской знаковой языковой личности, наиболее ярко отразившей в своем творчестве национальную систему ценностей своего времени, может быть представлена языковая личность лауреата Нобелевской премии по литературе Редьярда Киплинга.

Образ Британской империи XIX – начала XX в. в сознании ее граждан долгие годы конструировался за счет постулирования национальной идеи о превосходстве над другими народами и цивилизующей миссии британцев. Политическая идентичность государства Великобритания, иначе называемая британскостью, «формировалась на значительном историческом отрезке и приобрела завершённый общенациональный характер вследствие воздействия целого ряда экономических, культурных и социально-политических факторов» [18, с. 4]. Среди факторов культурных, активно способствующих формулированию и продвижению *национальной системы ценностей*, как раз можно назвать творчество знаковых языковых личностей, таких как Р. Киплинг.

В большей части произведений «певца английского колониального величия», настойчиво и осознанно транслировавшихся в общественной среде английского общества, прямо или косвенно прославляется новый литературный образ – прославленный «герой», «предприимчивый и отважный британец», «строитель» империи. «Даже в школе происходило формирование нового типа мировоззрения, в котором доминирующими чертами стали патриотизм и гордость за империю» [7, с. 67]. Для Киплинга человека определяет отнюдь не то, что он есть, а то, что он совершает. Преображая мир, герой Киплинга преобразует и себя: только действие придает смысл существованию, только действие выковывает из «дрожавшей твари» сильного Человека, несущего «бремя белых»:

*Take up the White Man's burden –
Send forth the best ye breed –
Go bind your sons to exile
To serve your captives' need;
To wait in heavy harness
On fluttered folk and wild –*

*Your new-caught, sullen peoples,
Half-devil and half-child.
Take up the White Man's burden –
In patience to abide,
To veil the threat of terror
And check the show of pride;
By open speech and simple,
An hundred times made plain.
To seek another's profit,
And work another's gain.
Take up the White Man's burden –
The savage wars of peace –
Fill full the mouth of Famine
And bid the sickness cease...*

*By all ye cry or whisper,
By all ye leave or do,
The silent, sullen peoples
Shall weigh your Gods and you.
Take up the White Man's burden--
Have done with childish days--
The lightly proffered laurel,
The easy, ungrudged praise.
Comes now, to search your manhood
Through all the thankless years,
Cold-edged with dear-bought wisdom,
The judgment of your peers! [24].*

*Несите бремя Белых
Среди племен чужих -
Сынов своих отправьте
Служить во благо их;
Без усталости работайте
Для страждущих людей -
Наполовину бесов,
Настолько же детей.
Неси же бремя Белых -
Не смея унывать,
Ни злобу, ни гордыню
Не вздумай проявлять;
Доступными словами
Их к делу приобщай,
И для себя в том деле
Ты пользы не ищи.
Неси же бремя Белых -
Чтоб шум войны затих,
И пищу дай голодным,
И вылечи больных...*

*И по твоим поступкам,
И по твоим словам
Дадут тебе оценку
И всем твоим богам.
Неси же бремя Белых -
И скопишь с юных лет
Венок дешевых лавров,*

*Скупых похвал букет.
Но на закате жизни
Без всякой суеты
Твой труд пускай оценят
Такие же, как ты!* [11].

Только в действии Р. Киплинг видел спасение от бессмысленности мира, «мост между Отчаянием и гранью Ничто». Как писал Джозеф Конрад в повести «Сердце тьмы», «завоевание земли большей частью сводится к тому, чтобы отнять землю у людей, которые имеют другой цвет кожи или носы более плоские, чем у нас, – цель не очень-то хорошая, если поближе к ней присмотреться. Искушает ее только идея, идея, на которую она опирается, – не сентиментальное притворство, но идея» [12].

Такой «идеей» у Киплинга стала идея высшего нравственного Закона, по которому должен жить каждый. Если ты волк, убеждает он, ты должен жить по Закону Стаи, если матрос – по Закону Команды, если офицер – по Закону Полка. С законом соизмеряется любой твой поступок, любое высказывание или жест. Преданность Закону помогает отличить «своего» от «чужака».

Согласно представлениям Киплинга, принудительные для человека законы выстраиваются в иерархию, пронизывающую снизу вверх весь миропорядок – от закона семьи или клана до закона культуры и универсума. Его знаменитая, но не всегда правильно понимаемая сентенция *О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут, пока не предстанет Небо с Землей на Страшный господень суд* как раз означает, что Европа и Азия мыслилась им как две гигантские корпорации, каждая из которых обладает собственными внутренними законами и ритуалами, как два самодовлеющих единства, неизменные, равные только самим себе и закрытые друг для друга. Однако даже оппозиция «Восток – Запад» в *системе ценностей* этой знаковой личности отступает на второй план по сравнению с *центральной антитезой* творчества Киплинга «империя – неимперия», которая синонимична традиционному противопоставлению добра злу или порядка хаосу. Имперский мессианизм стал его религией, в которую он пытался обратить весь земной шар с помощью своего пылкого и яркого творчества.

Империя хотя и рухнула, да не совсем, и вовсе не забыта. В наследство от нее современный мир получил – как минимум – английский язык, ставший на некоторое время ми-

ровым, как некогда латынь, и в сокровищницу которого Р. Киплинг, безусловно, внес невероятно большой вклад, пополнив его многочисленными метафорами, широко используемыми до сих пор в живой речи. Уроженцы стран, некогда бывших колониями Англии, пишут о своей ненависти (а в последнее время – и о любви) к колониальному прошлому, но пишут по-английски. Если в XIX в., во времена расцвета Британской империи, английский язык представлял для культурного неангличанина своего рода факультатив, то в XX в., тем более в XXI в., когда империя рухнула, обойтись без английского языка почти невозможно. Хотим мы того или нет, но именно английский, язык таких *знаковых языковых личностей*, как *Шекспир, Мильтон и Киплинг*, – латынь нашего времени. Как очень точно написал Е.В. Витковский, «в искусстве действует древний закон: часть всегда больше целого, поэтому Английская империя – частью которой был и Киплинг, и его творчество – была всего лишь страной времен Киплинга. Ибо Джозеф Редьярд Киплинг сам по себе был империей» [5, с. 7].

Таким образом, разделяя понимание того, что языковая личность – это обобщенный речеповеденческий портрет человека как представителя определенной этнической (национальной), социальной, гендерной, возрастной, конфессиональной группы, а также различные (упомянутые в данной статье) подходы к изучению языковой личности, мы предлагаем (на примере Р. Киплинга) ввести уточняющую к характеристике «элитарная» категорию *знаковая языковая личность*, которая своим творчеством способствует идентификации, сохранению и продвижению нравственных ценностей, специфичных для каждой нации, вносит существенный вклад в развитие национальной и мировой лингвокультуры в целом.

Список литературы

1. Ашева А.А. Элитарная языковая личность как идеальный носитель культурно-речевой компетенции // Вестн. Адыгейского гос. ун-та. Сер.: Филология и искусствоведение. 2013. Вып. 2. С. 19–23.
2. Богин Г.И. Типология понимания текста. Калинин: КГУ, 1986.
3. Буряк Н.Ю. Языковая личность в культуре современного общества // Теория и практика общественного развития. 2001. № 6. С. 81–84.
4. Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980.

5. Витковский Е.В. Империя по имени Редьярд Киплинг. Предисловие к изданию прозы Р. Киплинга. М.: Рипол Классик, 1998. С. 1–8.
6. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филол. науки. 2001. № 1. С. 64–72.
7. Глеб М. Британская имперская идея во второй половине XIX века: основные направления и динамика развития [Электронный ресурс] // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. 2003. № 2. URL: <http://www.evolutio.info/content/view/630/54> (дата обращения: 15.03.2016).
8. Ермакова Л.Р., Седых А.П. Языковая личность и способы ее манифестации // Науч. ведомости Белгор. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. № 18(89). Вып. 7. С. 81–87.
9. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002.
10. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
11. Киплинг Р. Бремя белых / пер. В. Радинова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stihi.ru/2008/02/12/1972> (дата обращения: 18.03.2016).
11. Конрад Дж. Сердце тьмы [Электронный ресурс]. URL: <http://e-libra.ru/read/149653-serdce-tmy.html> (дата обращения: 17.03.2016).
12. Кочеткова Т.В. Проблема изучения языковой личности носителя элитарной речевой культуры (обзор) // Вопросы стилистики. Язык и человек. Саратов, 1996. Вып. 26. С. 14–25.
13. Лейбниц Г.В. О словах / пер. с фр. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
14. Ма Т.Ю. Американская языковая личность в культурно-историческом пространстве США XX века (опыт прототипического подхода): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2012.
15. Нерознак В.П. Лингвистическая персоналогия: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод: сб. науч. тр. М.: Моск. гос. лингв. ун-т, 1996. С. 112–116.
16. Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1997.
17. Седых А.П. Языковая личность и этнос (национально-культурные особенности коммуникативного поведения русских и французов). М.: Компания Спутник+, 2004.
18. Симонов А.В. Британская имперская идентичность в конце XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2016.
19. Сиротинина О.Б. Хорошая речь: сдвиги в представлении об эталоне // Активные языковые процессы конца XX века. М., 2000.
20. Снитко Т.Н. Предельные понятия в западной и восточной лингвокультурах. Пятигорск, 1999.
21. Тхорик В.И. Языковая личность (лингвокультурологический аспект): дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2000.
22. Шаховский В.И. Нацио- и социокультурные аспекты языковой личности // Общество, язык и личность: материалы Всерос. науч. конф. Пенза – М., 1996. Вып. 1. С. 29–30.
23. Kipling R. “The White Man’s Burden: The United States & The Philippine Islands, 1899.” Rudyard Kipling’s Verse: Definitive Edition. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1929 [Electronic resource]. URL: <http://historymatters.gmu.edu/d/5478> (дата обращения: 17.03.2016).

* * *

1. Asheva A.A. Jelitarnaja jazykovaja lichnost' kak ideal'nyj nositel' kul'turno-rechevoj kompetencii // Vestn. Adygejskogo gos. un-ta. Ser.: Filologija i iskusstvovedenie. 2013. Vyp. 2. S. 19–23.

2. Bogin G.I. Tipologija ponimanija teksta. Kalinin: KGU, 1986.

3. Burjak N.Ju. Jazykovaja lichnost' v kul'ture sovremennogo obshhestva // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. 2001. № 6. S. 81–84.

4. Vinogradov V.V. Izbrannye trudy. O jazyke hudozhestvennoj prozy. M.: Nauka, 1980.

5. Vitkovskij E.V. Imperija po imeni Red'jard Kipling. Predislovie k izdaniju prozy R. Kiplinga. M.: Ripol Klassik, 1998. S. 1–8.

6. Vorkachev S.G. Lingvokul'turologija, jazykovaja lichnost', koncept: stanovlenie antropocentricheskoj paradigmy v jazykoznanii // Filol. nauki. 2001. № 1. S. 64–72.

7. Gleb M. Britanskaja imperskaja ideja vo vtoroj polovine XIX veka: osnovnye napravlenija i dinamika razvitija [Jelektronnyj resurs] // Belorus. zhurn. mezhdunar. prava i mezhdunar. odnoshenij. 2003. № 2. URL: <http://www.evolutio.info/content/view/630/54> (data obrashhenija: 15.03.2016).

8. Ermakova L.R., Sedyh A.P. Jazykovaja lichnost' i sposoby ee manifestacii // Nauch. vedomosti Belgor. gos. un-ta. Ser.: Gumanitarnye nauki. 2010. № 18(89). Vyp. 7. S. 81–87.

9. Karasik V.I. Jazyk social'nogo statusa. M.: Gnozis, 2002.

10. Karaulov Ju.N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. M.: Nauka, 1987.

10. Kipling R. Bremja belyh / per. V. Radionova [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.stihi.ru/2008/02/12/1972> (data obrashhenija: 18.03.2016).

11. Konrad Dzh. Serdce t'my [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://e-libra.ru/read/149653-serdce-tmy.html> (data obrashhenija: 17.03.2016).

12. Kochetkova T.V. Problema izuchenija jazykovoj lichnosti nositelja jelitarnoj rechevoj kul'tury (obzor) // Voprosy stilistiki. Jazyk i chelovek. Saratov, 1996. Vyp. 26. S. 14–25.

13. Lejbnic G.V. O slovah / per. s fr. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2010.

14. Ма Т.Ю. Amerikanskaja jazykovaja lichnost' v kul'turno-istoricheskom prostranstve SShA XX veka (opyt prototipicheskogo podhoda): dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2012.

15. Neroznak V.P. Lingvisticheskaja personologija: k opredeleniju statusa discipliny // Jazyk. Pojetika. Perevod: sb. nauch. tr. M.: Mosk. gos. lingv. un-t, 1996. S. 112–116.

16. Russkij jazyk. Jenciklopedija / pod red. Ju.N. Karaulova. 2-e izd. M.: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 1997.

17. Sedyh A.P. Jazykovaja lichnost' i jetnos (nacional'no-kul'turnye osobennosti kommunikativnogo povedenija russkih i francuzov). M.: Kompanija Sputnik+, 2004.

18. Simonov A.V. Britanskaja imperskaja identichnost' v konce XIX – nachale XX veka: dis. ... kand. ist. nauk. M., 2016.

19. Sirotinina O.B. Horoshaja rech': sdvigi v predstavlenii ob jetalone // Aktivnye jazykovye processy konca NN veka. M., 2000.

20. Snitko T.N. Predel'nye ponjatija v zapadnoj i vostochnoj lingvokul'turah. Pjatigorsk, 1999.

21. Thorik V.I. Jazykovaja lichnost' (lingvokul'turologicheskij aspekt): dis. ... d-ra filol. nauk. Krasnodar, 2000.

22. Shahovskij V.I. Nacio- i sociokul'turnye aspekty jazykovoj lichnosti // Obshhestvo, jazyk i lichnost': materialy Vseros. nauch. konf. Penza – M., 1996. Vyp. 1. S. 29–30.

Е.И. АЛЕЩЕНКО, Ю.Г. ФАТЕЕВА
(Волгоград)

**ФРАЗЕОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ
СОЗДАНИЯ ЮМОРИСТИЧЕСКОГО
ВЫСКАЗЫВАНИЯ**
(на материале художественной
прозы о врачах)

Описываются способы использования потенциала фразеологических единиц при создании юмористического высказывания посредством языковой игры. Материалом исследования является художественная проза врачей. В результате анализа выявляются такие приемы использования фразеологизмов, как буквализация, изменение синтаксической функции, замена компонента, расширение значения и др.

Ключевые слова: фразеология, фразеологизм, языковая игра, юмористическое высказывание, комическое, художественная проза, язык медицины.

Человеческая жизнь полна абсурдного и смешного, что, несомненно, нашло отражение в языке, поэтому механизмы создания комического, различные аспекты юмора часто становятся объектами пристального интереса многих отраслей науки. Примечательно, что в современной науке не существует определения юмора, комического, которое в полной мере отражало бы специфику этого языкового явления. Так, полагают, что юмор – это результат необходимости «примирения с действительностью» [3, с. 162], а смех – это «социологический анализ» [4, с. 5]. Близко этому мнению и понимание юмора как результата мироощущения, способного различить множество «полутонов в оценке бытия» [8, с. 50]. Несмотря на кажущуюся разницу в трактовке понятия «юмор», исследователи единодушны в том, что с этической точки зрения юмор – это явление скорее бытовое, связанное с отношением к тому или иному реальному явлению, при этом отношение к изображаемой в юмористическом произведении действительности положительное.

Юмор чаще всего воплощается в шутке. Напомним, что данное понятие имеет несколько толкований. Так, словарь Т.Ф. Ефремовой дает следующие определения: «1. То, что говорят или делают с целью вызвать смех веселье; забавная выходка, шалость 2. То, что говорят

Iconic language personality

The article aims to formulate (by the example of the work by R. Kipling) the distinctive characteristics of an “iconic language personality” as the ideal bearer of the cultural and speech competence, “classic”, “master of speech”, “arbitrator and normalizer of language”, whose work contributes to its progressive development at a certain historical stage in a particular country and the global linguistic culture in general.

Key words: linguistic personality, elite, national system of values, political identity, verbal behavioural portrait.

(Статья поступила в редакцию 12.04.2017)